

МИР ОБРАЗОВ И ОБРАЗ МИРА

Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер.14: Психология. 1981. №2. С.15-29. [с сокращениями]

Образ как психологическое понятие имеет более чем двадцатипятивековую историю. Попытки исключить его из системы психологических категорий, предпринятые в начале XX века в ходе антименталистского «бунта», закончились, по меткому выражению Р. Хольта (1972), «возвращением из изгнания» и восстановлением образа в гражданских правах даже в таком крайнем течении, как бихевиоризм (Миллер и др., 1965). При всей широте спектра различных подходов к пониманию образа, его роли и места в ряду других психологических явлений в качестве основополагающих для материалистической психологии выступают два момента: вторичность образа по отношению к объективной реальности и активность субъекта в процессе построения образа. Первое положение прямо вытекает из материалистического решения основного вопроса философии, а второе позволяет преодолеть механистическую концепцию человека-созерцателя, характерную для разновидностей метафизического материализма. Следует особо отметить, что теоретическое и экспериментальное обоснования активной, деятельной природы психического образа являются в настоящее время одним из самых важных и в то же время одним из самых трудных участков борьбы за марксистскую психологию. Если откровенно идеалистические установки того или иного подхода к пониманию психического стали для широчайших кругов исследователей синонимом ненаучности такого подхода, то механистические по своей сути адаптивные или реактивные модели человека, напротив, сплошь и рядом выдаются за единственно научный путь изучения психики. Это связано с тем, что справедливость сформулированных выше тезисов достаточно полно и всесторонне обоснована на уровне философской и конкретно-научной методологии, что же касается частных психологических теорий, которые можно было бы положить в основу разработки методических средств эмпирического исследования человека-деятели, то такие теории просто не созданы или же используемые в этих теориях понятия недостаточно операционализированы.

Важным шагом на пути создания психологической теории образа, реализующей на конкретно-научном материале основные достижения марксистской методологии, явилось введение понятия образа мира в контексте деятельностного подхода к пониманию происхождения и функции психического (Леонтьев, 1979). Само по себе понятие образа мира не является новым; в частности, оно широко используется психологами когнитивистской ориентации, часто употребляющими такие выражения, как картина мира, представление о себе и вселенной, модель универсума и т. д. (Миллер и др., 1965, с. 19). Но при этом образ, картина мира понимается как некоторая совокупность образов отдельных предметов и явлений, выступающих в качестве первичных по отношению к ней. Допускается, конечно, что такое объединение отдельных образов в целостную картину мира может приводить к появлению у этой новой целостности качеств, отсутствовавших у составляющих ее частей. Один из наиболее проницательных представителей этого направления (Найссер, 1981) специально рассматривает вопрос о развитии схем мира у человека. Эти положения являются существенными завоеваниями когнитивной психологии в борьбе с ортодоксальным бихевиоризмом. Тем не менее сторонникам этого подхода не удалось преодолеть стимульно-реактивной модели человека, они идут по пути все большего усложнения этой модели, помещая между S (стимулом) и R (реакцией) более и более сложные промежуточные переменные (O). Именно в качестве такого среднего звена в схеме $S—O—R$ рассматриваются и все варианты познавательных образований, включая образ, картину мира.

В советской психологии важный вклад в преодоление стимульно-реактивной схемы человеческого поведения внесли Д. Н. Узнадзе (1966) (теория установки), Л. С. Выготский (1956) (теория культурно-исторического развития психики), С. Л. Рубинштейн (1973), А. Н. Леонтьев (1965, 1975) (психологическая теория деятельности), Н.А.Бернштейн (1966) (физиология активности) и ряд других исследователей. Вместе с тем до сих пор не проведена необходимая работа по экспликации и систематическому формулированию новых принципов организации и функционирования знаний с целью диалектического снятия схемы $S—O—R$. В результате распространен взгляд на деятельность или установку просто как на более сложное среднее звено в схеме $S—O—R$, а альтернативные понимания этих нововведений кажутся сторонникам стимульно-реактивного подхода простой сменой терминологии и уходом от прямого ответа на вопрос, какова та новая схема, которой предлагается

заменить старую схему.

<...>

Задача настоящей работы — показать, что понятие образа мира в том его понимании, которое намечено А. Н. Леонтьевым в его последней публикации (1979), позволяет сделать решительный шаг вперед в экспликации основных положений сложившегося в отечественной психологии подхода, согласно которому познавательные процессы имеют активную деятельностную природу, а реактивность является моментом хотя и необходимым для функционирования любой познавательной системы, но подчиненным принципу активности. Чтобы совершить этот шаг, необходимо прежде всего понять, что *не мир образов, а образ мира* регулирует и направляет деятельность человека. Это ключевое для нас противопоставление имеет смысл лишь при определенном понимании образа мира, раскрытию и обоснованию которого посвящена основная часть статьи.

* * *

Очень часто можно встретить утверждение о непосредственном характере чувственного познания в противоположность познанию рациональному (Леонтьев, 1963, с. 514; 1975, с. 33). Между тем гораздо ближе к истине стоит взгляд, что «...различие между восприятием и абстрактным мышлением состоит вовсе не в том, что первое якобы является чисто непосредственным, а второе — опосредованным видом знания. Познание с самого начала объективно направлено, а выделение во внешнем мире объектов, реальных предметов предполагает активную познавательную деятельность, принятие ряда допущений, выдвижение определенных предположений, которые затем апробируются в сенсорной и предметно-практической деятельности» (Лекторский, 1978, с. 19). В самом деле, если бы восприятие было непосредственным процессом, то мы имели бы дело не с предметами внешнего мира, а с чувственными образами той или иной модальности, не открывающими нам реальный мир, а скорее отгораживающими нас от него. Критика такого понимания природы человеческого восприятия настолько обстоятельно представлена в марксистско-ленинской теории познания, что нет необходимости приводить дополнительные аргументы.

Но какую же роль выполняют непосредственные данные органов чувств, если они не могут прямо регулировать наше поведение и даже не определяют сколько-нибудь однозначно содержание наших восприятий? Прежде чем ответить на этот вопрос, попытаемся показать, что человек на сознательном уровне вообще, как правило, не имеет дела с непосредственной чувственной данностью, что ему необходимы специальные средства, чтобы эту данность освоить и затем отразить в сознании. Приведем выдержку из весьма убедительных опытов и рассуждений Д. Н. Узнадзе (1966) на указанную тему.

Испытуемому предлагалось опознать на ощупь 6 различных предметов, форма которых была иногда существенно изменена по сравнению с привычной. С самого начала испытуемые стремятся получить как можно более богатые и разносторонние чувственные впечатления, полагая, что чем больше их будет, тем легче будет опознать предмет. «Однако насколько обосновано подобное убеждение...?» (с. 34). Обнаружилось, что чувственные впечатления до акта опознания и после него качественно чрезвычайно различны. Сначала испытуемые переживают тяжесть, холод, твердость, но эти ощущения кажутся зыбкими, лишенными сущности феноменами, и испытуемые чувствуют себя «столь беспочвенно» и «неловко», что иногда сами же говорят, «как будто у меня и нет уже сознания» или «собственное сознание мне кажется чуждым» (с. 35).

«Такова ступень еще не завершенных переживаний развития содержания сознания. Они пока что явно представляют собой субъективные состояния и для завершенности, для приобретения прочности и определенности конкретного переживания должны выйти за рамки субъективности и на основе определенного объекта и в виде его признаков — обрести свою индивидуальную сущность. Именно эта лабильность, неопределенность и безликость должны, по нашему мнению, наиболее характеризовать так называемые ощущения — эту предшествующую настоящему восприятию ступень, где они и обретают свою определенность и конкретную индивидуальность. Стоит испытуемому опознать экспонируемый объект, хотя бы и неверно, что в данном случае не имеет значения, как чувственное содержание его сознания значительно видоизменяется, приобретая конкретность и превращаясь в определенное законченное переживание... в виде конкретных признаков предмета, за который испытуемый принимает экспонируемый в опытах объект.

Отсюда ясно, что чувственное содержание сознания не предопределено раздражителем раз и навсегда... по данным наших испытуемых одно и то же содержание ощущения проявляется для них то в одном, то в другом виде. Причем в особенности примечательно здесь то, что, в зависимости от вида предполагаемого испытуемым предмета, одно и то же ощущение переживается им в различных, а иногда даже противоположных качествах. Таким образом, обычное мнение, будто содержание

ощущений твердо обусловлено раздражителем — не оправдывается... Конечно, не содержание ощущений определяет значение предъявленного объекта, но, напротив, значение предъявленного объекта придает ясное и определенное содержание самим ощущениям» (с. 35—36). «Как мала зависимость акта узнавания от чувственного содержания, особенно наглядно вытекает из того факта, что особенно редко она наблюдалась именно в случаях безусловного и уверенного узнавания объекта. В случаях же избытка чувственного содержания опознавание объекта либо совсем не удавалось, либо же если и удавалось, то только в качестве поставленного под сомнение соображения» (с. 37).

<...>

Дж. Гибсон (Gibson, 1966), который ввел очень важное различие между видимым полем и видимым миром, специально обращает внимание на возможность восприятия в отсутствие чувственных впечатлений или при наличии неадекватно осознанных ощущений. Примером первого могут служить неспецифическая чувствительность кожи руки к свету (Леонтьев, 1965), восприятие пространства на основе вестибулярной или кинестетической афферентации, феномены восприятия в субсенсорном диапазоне. Примером второго является чувство препятствия у слепых, которым кажется, что они ощущают препятствия кожей лица, в то время как на самом деле в основе этого чувства лежат слуховые эхо-эффекты. Существует множество иллюзий, основанных на том, что восприятие поправляет или дополняет чувственные впечатления, втискивая их в рамки господствующей перцептивной гипотезы. Явления синестезии, эффекты сенсорной депривации и перцептивной изоляции, ощущения в фантомных конечностях — все это огромный и до сих пор не систематизированный материал, свидетельствующий о чрезвычайно непростых отношениях между чувственными данными и восприятием.

Особого внимания заслуживает соотношение модальных ощущений и образа предмета как элемента вне нас существующего мира, ибо в восприятии «дан не образ вещи, а сама вещь, как она является субъекту, воспринимающему ее человеку... Хотя воспринимается сама вещь, а не ее образ, восприятие вещи не тождественно с вещью восприятия» (Рубинштейн, 1973, с. 311). Еще выпуклее эта мысль сформулирована у А. Н. Леонтьева (1979, с. 5): органы чувств обеспечивают «ориентировку в мире, как он есть, а не в отдельных его элементах, его «толчках», хотя, конечно, и через эти элементы, через эти толчки».

Возникает вопрос, в какой форме, на какой чувственной основе реализуется это представление об объективно, вне нас существующей вещи, если эта форма заведомо не совпадает с суммой чувственных впечатлений от стимуляции данной вещью наших органов чувств и не сводится к ней. Разумеется, нет оснований утверждать, что конкретно-чувственный облик вещи является ее условным или случайным отражением. Теория символов, или иероглифов, не находит опоры в данных современной науки. Более того, А. Н. Леонтьев (1975) с полным основанием утверждает, что образ ни в коем случае не является некоторым кодом вещи, ибо отношение между кодом и тем, что кодируется, является совершенно произвольным. Представления такого рода как раз и базируются на уже многократно упоминавшейся схеме, фиксирующей переходы от стимула к его обработке и вынесению результатов этой обработки (их проекции) вовне. Нет! Человек постоянно имеет дело с внешним миром, и любой модальный стимул для него прежде всего некоторая несущая, посредник, который открывает нам саму вещь, а не её конкретно-модальное воплощение.

Очень хорошо говорит об этом Дж. Гибсон, рассматривающий наши модальные чувства, взятые на уровне восприятия, не как пять или шесть каналов для проведения ощущений различной модальности, а как разные способы обращать внимание на одну и ту же вещь или явление, выделять их в ряду других вещей или явлений (Gibson, 1966). Эта проблема очень четко зафиксирована в уже цитировавшейся работе В. А. Лекторского: «...предметный перцептивный образ не только до известной степени независим от чувственной ткани, но и в своей смысловой структуре несет осознание мира как существующего амодально, т.е. независимо от сенсорных модальностей: зрительной, тактильной и т.д. ...Воспринимаемый мир (вернее было бы сказать «мир как он дан в восприятии». — С. С.) — форма существования схемы мира в той или иной модальности» (Лекторский, 1978, с. 18—19). Но что же представляет собой сама эта схема, картина, образ мира? Не входит ли в нее окружающая действительность и ее отдельные элементы в своих существенных характеристиках, в то время как модальное одеяние этих вещей есть форма их явления нам в той или иной организации модальных чувств?

Взгляд на чувственное познание как на процесс, в котором мы постигаем явление в отличие от рационального познания, открывающего нам сущность вещей, можно довольно часто встретить в философской и психологической литературе. Он имеет под собой некоторые основания, если явление не отождествлять с кажимостью, что перекрыло бы чувственному познанию все пути к постижению

сущности. Но, с другой стороны, утверждать, что функция восприятия ограничивается «поставкой» чистых явлений, из которых интеллектуальные процессы как из полуфабрикатов добывают и фиксируют сущность в понятиях и знаках, — значит прийти в противоречие с многочисленными данными, подтверждающими такие свойства образа восприятия, как осмысленность, категориальность, предметность и др. Ведь смысл, значение вещи не пристегивается к ее перцептивному образу. Недаром говорят о невербальном значении (Penfield, 1975; и др.) или о предметном значении как таковом (Зинченко и др., 1980), и это значение, отмечает А. Н. Леонтьев (1979, с. 6), выступает «не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит *за обликом вещей* — в познанных объективных связях предметного мира, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства».

Можно было бы привести много других соображений в пользу того, что имеется особый тип сущностей, открываемых человеку в его перцептивной деятельности, и трудно утверждать, что эти сущности более низкого порядка, чем открываемые нам в мышлении. Они не совпадают друг с другом, а скорее дополняют друг друга в реальной познавательной деятельности, поочередно выступая на первый план и конституируя тем самым классы перцептивных или интеллектуальных процессов.

Но вернемся к сформулированному выше принципиальному вопросу о том, в какой форме представлена субъекту эта перцептируемая сущность вещей если в каждом конкретном модальном оформлении вещи мы имеем дело лишь с явлением? Иначе говоря, каков же носитель предметных значений? Если не рассматривать ответы, выводящие проблему за пределы событий перцептивного плана и апеллирующие к слову, знаку и другим образованиям, традиционно относимым к сфере интеллекта, то намечаются три подхода к решению данной проблемы.

Чаще всего говорится о полимодальном характере нашего восприятия, т.е. о том, что целостность и синтетичность образа вещи достигается за счет актуализации в памяти следов тех разномодальных ощущений, которые данная вещь вызывала у нас ранее при воздействии на другие органы чувств. Сам по себе факт полимодальности образа в том смысле, что разные модальности вносят свой вклад в его структуру, т.е. разные проявления сущего добавляют нам некоторые новые знания, прокладывают еще один путь к постижению его, не вызывает сомнения. Но остается совершенно непонятным, как то или иное чувственное впечатление может вызвать в памяти следы прежних впечатлений от данного объекта, если сам объект неопознан. Вспомним, например, о хаотичности, неустойчивости чувственных впечатлений, описанных Д.Н.Узнадзе на стадии, предшествующей опознанию. Добавим еще одно его интересное наблюдение: если в условиях описанных экспериментов у испытуемого забирали объект до опознания, а затем после взятия отчета объект возвращался, то испытуемый полагал, что ему дали новый объект. Это роковой для разбираемого здесь взгляда факт. Если чувственные впечатления на стадии, предшествующей опознанию объекта (т.е. до выявления его значения) не могут вызвать в памяти самих себя, то как же они могут оживить чувственные впечатления других модальностей и слепить из них полимодальный значащий образ? И как быть с массой других описанных выше фактов о том, что стимуляция не предопределяет однозначно характера образа «на выходе» и что значение, перцептивная гипотеза могут «исправлять» или «дополнять» чувственную данность?

Второй подход к проблеме состоит в выборе одной главной модальности, на которую проецируются и получают при этом свое означение данные других модальностей. Так, Б. Г. Ананьев (1980, с. 184) пишет: «Еще П.П.Блонским было высказано предположение, что зрительные образы представляют собой слияние собственно зрительных сигналов со *зрительно-преобразованными* сигналами других модальностей. ...Действительно, зрительная система работает как интегратор и преобразователь сигналов всех модальностей». Это высказывание само по себе довольно верно. Но представление о том, что перевод чувственных впечатлений из одной модальности в другую есть основной механизм синтеза сенсорно-перцептивных данных, сталкивается с теми же неразрешимыми проблемами, что и предыдущий подход. Оба эти подхода используют в качестве ключевого понятия образ памяти или образ представления и фактически остаются в границах теории бессознательных умозаключений Г.Гельмгольца (1975), не преодолевая свойственную этой теории внутреннюю противоречивость. В самом деле «...сказать, что след *определяет* восприятие, означает сказать, что след выбирается до возникновения восприятия. По какой логике это возможно?» (Рок, 1980, с.51). Попытки найти такую логику, которые последовательно рассмотрены в книге И. Рока, нельзя признать успешными.

Третье понимание проблемы носителя открывающихся в восприятии значений наиболее последовательно разрабатывается в советской психологии и связано с представлением процесса

чувственного восприятия в виде особой деятельности по построению образа на основе общественно выработанной системы сенсорных эталонов и нормативных действий (Запорожец, 1966; Леонтьев, 1965; Зинченко, 1964; и др.). Четкую формулировку этой позиции дает В. П. Зинченко (1964, с. 232): «Разумеется, при анализе процесса восприятия важно учитывать и прошлый опыт субъекта, и его установки и мотивы. Однако ни один из перечисленных фактов сам по себе не объясняет различий в образе предметов. Более адекватное объяснение следует искать в особенностях действия субъекта с предъявляемым ему материалом. Иными словами, восприятие следует рассматривать как действие субъекта, посредством которого осуществляются различные виды преобразования стимулов в образ».

Всякое перцептивное действие проходит три этапа в процессе своего становления:

1) внешние материальные действия с предметами строятся на основе старого, не совсем адекватного перцептивного действия и поэтому нуждаются в корректировке, исправлении «по ходу», непосредственно в процессе столкновения с материальной действительностью;

2) сенсорные процессы, перестроившись под влиянием практической деятельности, сами превращаются в своеобразные перцептивные действия, которые осуществляются с помощью движений рецепторных аппаратов и предвосхищают последующие практические действия;

3) свернутые и сокращенные перцептивные (часто викарные) действия с отторженными эффекторными звеньями (Запорожец, 1966).

В работах А. Н. Леонтьева (1975, 1976) и его сотрудников (Столин, 1976; Логвиненко, 1976) разработано и экспериментально обосновано понятие чувственной ткани как одной из составляющих сознательного отражения. Было убедительно показано, что чувственная ткань служит, как правило, лишь для презентации предметного содержания, а сама по себе открывается субъекту лишь при применении специальной рефлексивной процедуры (Логвиненко, 1976, с. 261—263). В указанных работах сделан также решительный шаг в сторону утверждения, что открываемое нами в чувственном восприятии содержание имеет форму амодальной схемы объективного мира (Леонтьев, 1976, с. 26; Логвиненко, 1976, с. 252—253).

Эта схема (образ) мира имеет характер ядерной структуры по отношению к тому, что на поверхности выступает в виде той или иной модально оформленной и, значит, субъективной (Леонтьев, 1979, с. 9) картины мира (зрительной, слуховой и т. д.).

Субъективный характер модального варианта образа мира становится явным, если принять вслед за А. Н. Леонтьевым условное деление всех свойств объективного мира на две категории. «Одни — это такие свойства неживых вещей, которые они обнаруживают во взаимодействиях с вещами же, т. е. во взаимодействии «Объект — Объект». Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии с телесными вещами особого рода — с живыми чувствующими организмами, т. е. во взаимодействии «Объект—Субъект». Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств рецепирующих органов субъекта» (Леонтьев, 1979, с. 9). При этом одно и то же объективное свойство, как, например, гладкость, ровность поверхности, может ощущаться как «скользкость» при ощупывании и как «блесткость» при зрительном восприятии.

Таким образом, «скользкость», «блесткость» не являются чисто объективными характеристиками объекта самого по себе, а лишь качествами, проявляющимися во взаимодействии с нашими органами чувств. Но они не являются и чисто субъективными, ибо тело субъекта хоть и особая вещь, но тоже вещь среди вещей, и взаимодействие объектов с телесным субъектом, его рецепирующими устройствами есть процесс объективный, т. е. несущий в себе элемент объектно-объектных взаимодействий. Однако объекты обладают бесконечным числом свойств, которые вообще не могут быть выявлены во взаимодействии с телом субъекта, а лишь с другими телами, и субъект может обнаружить их лишь путем специальной организации такого взаимодействия. Свойства этого типа, как правило, не могут быть выявлены на основе восприятия и вообще не открываются субъектом в ходе его индивидуальной деятельности. Они носят совершенно отчетливый амодальный характер и фиксируются прежде всего в понятиях языка, символах, предметах культуры и являются продуктами общественно-исторического процесса, которые субъект усваивает в готовом виде.

Самое важное заключается в том, что свойства второго рода также непосредственно входят в наш образ мира, как и чувственно воспринимаемые свойства первого рода. Именно синтетический и целостный характер такого конструкта, как образ мира, и позволяет нам с его помощью ответить на вопрос о том, что же обеспечивает синтез чувственного образа из хаоса отдельных ощущений, иначе говоря, за счет чего достигается резкая смена в характере чувственной ткани до оформления ее в виде образа целостного предмета и после такого оформления. Дело в том, что образ восприятия должен с самого начала строиться как целостное образование, а не составляться из отдельных элементов. В восприятии целое предшествует своей части, и сквозь призму этого целого часть (отдельное

ощущение) только и приобретает качество быть свойством, чертой предмета — качество, которого никогда не бывает у изолированного ощущения. Не ощущение говорит нам о том, какому целостному образу оно принадлежит, а, напротив, целостный образ задает место отдельному ощущению в структуре образа, благодаря чему это ощущение получает объяснение и оправдание своему существованию в качестве устойчивого признака предмета, а не летучего и нестойкого феномена сознания. Но если образ предмета предшествует отдельным ощущениям и структурирует их, то возникают три вопроса:

1) откуда он берется, 2) на основе чего решается вопрос, какой образ наиболее успешно структурирует чувственные впечатления в каждый конкретный момент, и 3) в какой форме этот образ существует, если он еще не имеет конкретного наполнения чувственной тканью?

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся понять, чем отличается, например, чувственная картина, оформленная в виде предметов внешнего мира, от хаотической смены зрительных ощущений у прозревшего слепого. По-видимому, не вызовет сомнения утверждение, что важнейшей отличительной чертой первого случая от второго является способность предвидеть до определенных пределов характер изменения ощущений:

а) при естественном (без нашего вмешательства) течении внешних событий — изменениях самого предмета и условий его восприятия;

б) при изменении нами точки наблюдения, смене позиции, вообще, при относительном смещении воспринимающего субъекта и воспринимаемого им мира;

в) при том или ином нашем воздействии на мир, при нашей деятельности с тем или иным объектом.

Это происходит потому, что в нашем восприятии нам открываются не отдельные качества и даже не отдельные предметы, а целостный мир объектов со своими законами системных взаимосвязей между отдельными элементами этого мира, со своими глубинными структурами. Иначе говоря, в восприятии нам дан не мир отдельных образов, а целостный образ мира на уровне ядерных, а не поверхностных образований.

Вспомним цитировавшееся выше высказывание, что воспринимаемый мир есть форма существования схемы мира в той или иной модальности. При этом допущении каждый отдельный образ в нашей картине мира, как и каждый отдельный объект во внешнем мире как таковом, могут лишь очень условно и с большой мерой абстракции быть рассмотрены как изолированные, независимо существующие отдельные объекты; все они связаны неисчислимым множеством переходов с бесконечным числом других объектов (образов). Одни из этих связей являются более существенными, другие менее существенными, но главное заключается в том, что с помощью этих связей т.е. зная законы взаимодействий и взаимопереходов от одних объектов к другим, мы можем экстраполировать, предсказать очень многое на основе того контекста, в котором отдельный образ (объект) дан в восприятии или мышлении.

Степень точности и достоверности этой экстраполяции может быть разной — от чрезвычайно высокой, когда мы даже не удосуживаемся проверить верность своих экстраполяций (и на этом основаны многие иллюзии восприятия), до крайне неуверенных и приблизительных гипотез в случае чрезвычайно обедненного контекста или при большом количестве новых элементов ситуации. Образ мира и есть система экспектаций (ожиданий), порождающая объект-гипотезы на основе которых идут структурирование и предметная идентификация отдельных чувственных впечатлений. Для того чтобы этот процесс начался, не имеет принципиального значения объективная верность гипотезы. Если гипотеза ошибочна, отдельные ощущения не получают характера устойчивых структур, и наши ожидания о направлении изменения чувственных впечатлений при совершении тех или иных действий окажутся не подтвержденными, происходит смена перцептивной гипотезы на основе ранее не учтенных связей и отношений, а также на основе расширения или изменения контекста, в котором берется данный объект. Тем самым наше представление о мире модифицируется, уточняется, обогащается новыми связями между объектами. Исключительно важным является утверждение о непрерывном характере образа мира, который задает постоянный контекст для любого актуального восприятия (Столин, 1976, с. 194; и др.).

Как ни принципиальны изложенные выше положения деятельностного подхода к анализу чувственного познания и как ни важна идея амодальной схемы мира в качестве системы сверхчувственных значений, придающих синтетический и целостный характер воспринимаемому содержанию, нам представляется, что решающий шаг в направлении переосмысления всей традиционной проблематики психологии восприятия еще не сделан. Ведь и система перцептивных действий, и схема мира рассматривались в качестве средств, с помощью которых чувственные

впечатления должны быть превращены в значащий образ. «*Структуры зрительного поля служат, следовательно, оперантом для операций этого типа; средством служат ранее актуализируемые системы значений*» (Столин, 1976, с. 193).

Только в последних публикациях А. Н. Леонтьева намечено, как нам представляется, новое понимание отношений между образом мира и актуальной стимуляцией, а именно: *главный вклад в процесс построения образа предмета или ситуации вносят не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом*. Он является тем постоянным и никогда не исчезающим фоном, который предваряет любое чувственное впечатление и на основе которого оно только и может приобрести статус составляющей чувственного образа внешнего предмета. Еще резче этот тезис можно сформулировать так: не образ мира выступает в качестве той промежуточной переменной, которая обрабатывает, модифицирует и превращает в чувственный образ сенсорные полуфабрикаты, появляющиеся на свет в результате воздействия стимуляции на органы чувств, а, напротив, сенсорные полуфабрикаты, найдя свое место в образе мира, уточняют и детализируют его.

Главный предрассудок, который необходимо преодолеть, чтобы пересмотреть всю проблематику познавательных процессов с новых позиций, — это предрассудок о существовании отдельного образа как единицы восприятия, как самостоятельного элемента, из совокупности которых складывается наше представление о реальности. Образ, взятый вне контекста, является психологически мертвым образованием, т. е. он не может быть ничем иным, как элементом образа мира или его актуализированной части. Необходимо помнить о совершенно очевидном и в то же время часто упускаемом из вида факте, что один образ (предмета, явления) сам по себе не может ориентировать ни одного движения или действия. *Ориентирует не образ, а вклад этого образа в картину мира*. Если использовать терминологию А. Н. Леонтьева, можно сказать, что отдельные толчки внешней реальности не формируют наше представление о мире, а лишь подтверждают, дополняют или исправляют его.

Строить свое поведение, ориентируясь на эти «толчки», все равно, что выбирать себе поезд на основе поправок к расписанию движения поездов. «Поправки к расписанию» — это то особенное, неповторимое, что есть в данной индивидуальной ситуации действия и что нам часто не удаётся предвидеть, учесть при планировании действия. Но ведь не они конституируют смысл всей ситуации. В условиях достаточно привычных ситуаций они служат лишь дополнительными, индивидуализирующими данную ситуацию штрихами; и эти штрихи потеряют всякую психологическую нагрузку, если убрать сам рисунок, который они призваны уточнить, дополнить или даже резко исправить. Основное (сам рисунок, само расписание, если продолжить эти условные и очень приблизительные аналогии) берется из контекста, путем экстраполяции тех или иных модально оформленных чувственных впечатлений и соотнесения ожидаемого с реальными событиями «на входе». Этот процесс обеспечивается особым классом перцептивных операций, которые «могут состоять в поиске таких дифференциальных признаков в зрительном поле, которые позволили бы зрительно конкретизировать уже подразумеваемый всем предметным контекстом фрагмент воспринимаемого мира» (Столин, 1976, с. 194).

То, что конкретный акт восприятия в большей степени зависит от места стимула в образе мира, нежели от качества стимуляции как таковой, подтверждается и экспериментально. П. Фрессом (Fraise, 1967) было обнаружено, что отсутствие правдоподобной гипотезы о предьявляемом изображении сильнее нарушает процесс опознания, чем нечеткость стимула в оптическом плане. Совершенно ясно также, что без наличия предварительного представления, гипотезы процесс восприятия вообще не может начаться. Именно в этом смысле мы говорим о первичности образа мира по отношению к любой актуальной ситуации и о его определяющем влиянии на процесс познания.

До предела заостряя новую постановку вопроса, можно сказать, что построение образа внешней реальности есть прежде всего и главным образом актуализация той или иной части уже имеющегося образа мира и лишь во-вторых это есть процесс уточнения, исправления, обогащения или даже радикальной перестройки актуализированной части картины мира или образа мира в целом. Мы не строим заново на основе наличной стимуляции образ и не вводим его затем в нашу картину мира, не вырабатываем далее отношения к нему и не строим в соответствии с этим свою деятельность; все обстоит как раз наоборот. И предметное значение, и эмоционально-личностный смысл образа предшествуют его актуальному переживанию и заданы всем контекстом нашей деятельности, актуализированной частью образа мира. Как правило, мы именно ищем нужные нам стимулы, как верно выразился В. В. Столин, а не занимаемся поиском подходящих значений для навязанных нам извне стимулов.

Такое понимание процесса познания до конца преодолевает стимульно-реактивную схему

построения образа и ответного действия. Действие является ответом не на стимул (толчок), а на модифицированную этим толчком картину мира, которая заведомо предшествует этому толчку, а не «вытягивается из него». На смену схеме $S-O-R$ приходит схема $O1-S-O2-R$, где $O1$ — образ мира или актуализированная его часть, который является перманентным компонентом нашей жизнедеятельности, постоянной составляющей сознания и исчезает лишь вместе с потерей его; S — стимуляция, несущая в себе не сырые рецепции, а переменные высокого порядка по Гибсону; при этом какие именно переменные берутся (даже активно ищутся) зависит от контекста нашей деятельности и образа мира; $O2$ — модифицированный, уточненный или исправленный образ мира, который во многих случаях может совпадать с $O1$, если ожидаемые чувственные впечатления действительно имели место; R — реакция, ответное действие.

Эта схема весьма условна и не очень эвристична, главный ее смысл в снятии схемы $S-O-R$. Поэтому она имеет отношение прежде всего к тому узкому классу реактивных действий, которые возникают в ответ на внешний стимул. Подлинно активные, а не ответные действия (Д) строятся по схеме $O1-D1-S-O2-D2$. В этом случае стимуляция служит для подтверждения или опровержения верности наших экстраполяций об изменении чувственных впечатлений при совершении того или иного активного действия. Далее следует отметить, что между $O1$ и S ; S и $O2$ включается более или менее сложная система перцептивных действий.

Оставляя пока в стороне те методические последствия для стратегии экспериментального исследования познавательных процессов, которые следуют из развиваемых здесь взглядов, остановимся прежде всего на их методологическом аспекте. Ведь тезис о первичности образа мира по отношению к актуально воздействующей стимуляции и порождаемым ею ощущениям может показаться при поверхностном рассмотрении идеалистическим и вызвать прямые ассоциации с априорными категориями. Поэтому необходимо прежде всего подчеркнуть, что этот тезис справедлив лишь в рамках функционального, а не генетического анализа (специально вопрос о соотношении деятельности и отражения в плане генетического и функционального анализа рассмотрен в другой работе (Смирнов, 1978, с. 15). И уж совсем недопустимо утверждение о первичности любых форм отражения, включая и образ мира в плане гносеологического анализа. Если же говорить о функционировании познавательных образований в деятельности человека, то при утверждении, что процесс познания нужно выводить из стимуляции, невозможно обойтись без апелляции к априорным категориям или гомункулосу, которые должны обработать ощущения так, чтобы из них появился значащий и осмысленный образ.

Но откуда берутся первичные, неразвитые формы образа мира, которые затем развиваются и обогащаются в ходе деятельности (как практической, так и познавательной, в том числе перцептивной)? Ответ один — из практики, из опыта непосредственного взаимодействия с действительностью, для которых не остается места в стимульно-реактивном подходе, ибо в нем человек-деятели вытеснил человек-созерцатель. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 199.). Человек, основывающий свое познание на действии со стимулами, не может выйти за пределы перцептивной деятельности и не способен к преобразованию действительности, ибо направление преобразующей деятельности не может быть задано в стимулах, презентующих саму действительность, а вырастает из процессов жизни, процессов непосредственного контакта и обмена веществ между телом действующего индивида и окружающей средой. Рассмотрим более подробно роль этих процессов в формировании образа мира.

До сих пор мы оставили без ответа один очень важный вопрос — что же служит стержнем, придающим целостный и системный характер нашему образу, схеме мира, если носителем этой целостности не могут служить конкретные модальные воплощения этого образа, этой схемы (что и предопределило характеристику указанных образований как амодальных)? В то же время мы отмечали, что организованный характер наших опредмеченных чувственных впечатлений достигается за счет возможности прогнозировать направление изменения ощущений при совершении тех или иных действий, движений.

Мы также обращали внимание на роль внешней деятельности в выявлении таких свойств объектов, которые вообще не могут быть обнаружены в процессе взаимодействия субъекта с объектом, а требуют для своего открытия организации специального взаимодействия двух или нескольких внешних объектов между собой. В последнем случае с особой отчетливостью выступает факт, что «ткань» самой деятельности по организации взаимодействия между внешними объектами

может быть первоначально носителем, который открывает субъекту свойства объектов, недоступные для отражения с помощью имеющихся у человека органов чувств. Другое дело, что позже эти сверхчувственные свойства объектов могут получить свое означение в словах, символах и т.д. Но первично они обнаруживают себя лишь в формах организации внешней деятельности человека.

Наконец, следует отметить, что всякая внешняя деятельность с неживыми объектами сводится для человека к механическим перемещениям масс в пространстве, т.е. описывается на языке сил, расстояний и ускорений. Это и есть то, что Н. А. Бернштейн (1966) назвал биодинамической тканью движения, которая, по нашему мнению, является подлинным носителем амодальной схемы мира на уровне тех сущностей, которые открываются нам в восприятии. Чтобы понять и объяснить необходимость движений для построения образа, В. П. Зинченко ставит вопрос о том, как «биодинамическая ткань» движения переходит, превращается в «чувственную ткань» образа (Зинченко, Мунипов, 1979, с. 168). С нашей точки зрения, следует немного сместить акценты. Биодинамическая ткань движения не превращается в чувственную ткань, а служит тем организующим началом, скелетом, схемой, благодаря которой мозаика ощущений превращается в целостные предметные образы восприятия. Ощущения, организованные в образ, суть ощущения с заданными взаимопереходами от одного чувственного впечатления к другому, т.е. сцементированные биодинамической тканью движения. Дело в том, что всякое объективное свойство внешней действительности, которое еще не нашло своего отражения в нашем образе мира, первично проявляет себя и обнаруживается нами как некоторый фактор, возмущающий ход нашей деятельности во внешнем мире, отклоняющий ее от того маршрута, который был выработан на основе прежнего, недостаточно полного образа мира без учета этого фактора. И только вторично этот фактор выступает как предмет специально организованной перцептивной деятельности, направленной на выделение стимула, презентующего данный фактор среди бесчисленного числа других воздействий.

А. Н. Леонтьев (1965), специально разбирая этот вопрос, сформулировал тезис о первичности деятельности по отношению к восприятию, о том, что деятельность прокладывает пути отражению. В другой его работе эта мысль выражена следующим образом: «афферентатором», управляющим процессом деятельности, первично является сам предмет, а лишь вторично — его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание» (Леонтьев, 1975, с. 86). Иначе говоря, невошедший в исходный образ мира объект сначала модифицирует эффекторные механизмы деятельности, биодинамическую ткань реализующих эту деятельность движений и лишь позже он начинает модифицировать и чувственную ткань того или иного модального воплощения нашего образа мира. В отличие от этого стимульно-реактивный подход отводит практике в лучшем случае лишь роль критерия для проверки истинности наших интерпретаций стимульных воздействий, но не того канала, через который объективная действительность открывается нам.

* * *

Мы затронули очень небольшой круг вопросов, связанных с введением понятия образа мира в проблематику чувственного познания. За пределами рассмотрения остались другие уровни этого образования, высший из которых связан с формированием мировоззрения человека. Но поскольку образ мира представляет собой целостность высокого порядка, изолированное рассмотрение одного из его уровней не могло быть сколько-нибудь полным. В частности, не проанализирован важнейший вопрос о специфике чувственного отражения человека, вытекающей из его общественной природы. Эти и многие другие вопросы должны стать предметом специальных исследований, прежде чем можно будет говорить об образе мира как психологической категории.

В заключение сделаем еще одно важное замечание о чувственных компонентах образа мира. В интересах полемики мы сделали акцент на роли амодальной схемы мира в ущерб ее конкретно-чувственному оформлению. На самом деле оба эти момента неотделимы друг от друга. Амодальная схема мира как один из полюсов диполя не может существовать при разрыве ее связей с той или иной формой чувственности. Об этом свидетельствуют феномены распада схемы мира и потери чувства реальности в условиях сенсорной изоляции и депривации, а также при расстройстве чувствительности в эксперименте или при заболеваниях.

Все-таки чувственные впечатления не являются только посредниками, открывающими нам дорогу в мир сущностей и затем исчезающими. Они обогащаются, наполняются тем содержанием, формой выражения которого они являются. Красный цвет нашего флага — это не просто условный знак, напоминающий нам о крови, пролитой в справедливой борьбе¹. Мы как бы непосредственно

1 Имеется в виду флаг СССР.

видим в этом символе его глубокое и волнующее нас значение. Первостепенную роль играет чувственный компонент в искусстве. Да и в повседневной жизни амодальные схемы служат нам сплошь и рядом тем средством, с помощью которого мы организуем деятельность по получению необходимых модальных ощущений. Отношения средства и цели здесь оборачиваются. Диалектичность и противоречивость в описании этих процессов свидетельствуют не об условности используемых понятий, а о возможности отразить с их помощью реальные противоречия нашей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды, т. 1. М.: Педагогика, 1980. 230 с; А с моллов А. Г. Еще раз об исходных принципах теории деятельности.— В кн.: Тезисы VIII Закавказской конференции психологов, 22—24 окт. 1980 г. Ереван. 1980, с. 10—12. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966, 350 с. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956, 518 с. Гельмгольц Г. О восприятии вообще.— В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975, 400 с. Запорожец А. В. Развитие восприятия и деятельность.— В кн.: Тезисы XVIII Международного психологического конгресса, симпозиум 30. Восприятие и деятельность. М., 1966, с. 35—44. Зинченко В. П. Теоретические проблемы психологии восприятия.— В кн.: Инженерная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964, с. 231—264. Зинченко В. П., Величковский Б. М., Вучетич Г.Г. Функциональная структура зрительной памяти. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980, 272 с. Зинченко В. П., Мунипов В. М. Основы эргономики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979, 342 с. Лекторский В. А. Познавательное отношение: пути исследования его природы. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, 40 с. Леонтьев А. Н. Мышление. — В кн.: Философская энциклопедия. М., 1963, т. 3, с. 514. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль. 1965, 570 с. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975, 304 с. Леонтьев А. Н. О путях исследования восприятия (вступительная статья). — В кн.: Восприятие и деятельность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976, с. 3—27. Леонтьев А. Н. Психология образа. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1979, № 2, с. 3. Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа. — В кн.: Восприятие и деятельность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976, с. 209—267. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965, 238 с. Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. 232 с. Пузырей А. А. Смысловая регуляция пространственного образа.: Автореф. канд. дис. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1980, 19 с. Рок И. Введение в зрительное восприятие. М.: Педагогика, 1980, т. 2, 280 с. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973, 424 с. Смирнов С. Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н. А. Бернштейна. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. Психология, 1978, № 2, с. 14—25. Столин В. В. Исследование порождения зрительного пространственного образа.—В кн.: Восприятие и деятельность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976, с. 101—208. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966, 450 с. Холт Р. Образы: Возвращение из изгнания.— В кн.: Зрительные образы: феноменология и эксперимент (сборник переводов). Душанбе, 1972, с. 51—71. Fraise P. Le role de l'incertitude et de la discriminabilite dans la reconnaissance perceptive. — L'Anne psychologique, 1967, v. I, p. 61— 72. Gibson J. The senses considered as perceptual systems. L., 1966, 250 p. Penfield W. The mystery of the mind. Princeton university press. Princeton, 1975, 124 p.